Хотя И Юньши взял наказание Чжао Ичэня и И Сяннина на себя, Ли Байшунь и Лю Цзеюй всё ещё оставались под ударом. Палачи подошли к ним, и возле каждого встал свой исполнитель.

— Приступить!

И Юньши принял это решение, собрав всю свою волю. Стоило взглянуть на мучительное выражение его глаз, чтобы понять, как сильно болит его сердце. Особенно терзали душу сдавленные стоны и всхлипы его людей — это вызывало у него невыносимое чувство вины.

Он искренне хотел, чтобы все эти удары достались ему одному. Пусть лучше страдает он, чем его братья, но И Юньши понимал: они обязаны понести наказание, иначе армия не примет этого и дисциплина рухнет.

Тем временем Сяхоу Хуань, который всё это время спешил в Минчэн, встретил на полпути левого заместителя генерала Ли Юнти. Теперь Сяхоу Хуань продолжал путь в Минчэн вместе с основными силами.

Три дня спустя, тренировочная площадка.

Сейчас стоял конец осени, приближалась зима. Хотя палящего зноя не было, для людей, чьи тела были покрыты ранами и которые все эти дни довольствовались лишь водой, это было сродни пребыванию в аду.

За три дня физическое состояние И Юньши, И Сяннина и остальных было доведено до предела, но, как бы их ни отговаривали, они настаивали на продолжении наказания.

Если говорить просто: здесь главный — генерал, и пока он не отдаст приказ прекратить, никто не осмелится сказать и слова против.

После полудня Сяхоу Хуань вместе с левым заместителем генерала прибыл в Минчэн. По всем правилам, И Юньши, как генерал, должен был выйти навстречу второму принцу, однако ворота города были плотно закрыты, и никто не ждал высоких гостей.

— Прошу прощения, Ваше Высочество. Вероятно, генерал слишком занят тренировкой войск и не получил вашего послания, — оправдывался Ли Юнти. И он был прав: И Юньши действительно не видел писем, ведь все эти дни он был занят лишь тем, что принимал наказание. Ему было не до чтения, хорошо, если удавалось хоть немного отдохнуть.

На лице Сяхоу Хуаня застыло спокойствие, подобное глади озера, но внутри он скрежетал зубами. Что это значит? Он думает, что раз он на своей территории, то может вести себя так? Или он боится показаться мне на глаза? Хорошо! Не хочешь выходить? Я сам войду! И Юньши, как говорится, беглец найдется, а монастырь никуда не денется!

— Приказываю открыть ворота! Я лично войду и посмотрю, насколько же занят генерал И!

— Слушаюсь! — Ли Юнти, получив приказ, распорядился открыть ворота. Всё это время со лба у него градом катился холодный пот — он был наслышан о крутом нраве второго принца.

Сяхоу Хуань вместе с Цяньянем, Цзинсю и таинственно появившейся неизвестно откуда Минфан первыми верхом въехали в город.

Обыскав несколько мест, они так и не нашли И Юньши. Последним пунктом был его шатер, но и там было пусто. Ли Юнти, опасаясь гнева Сяхоу Хуаня, поспешно схватил за ворот ближайшего стражника и спросил:

— Где генерал?

Солдат, которого приподнял над землей Ли Юнти, в ужасе уставился на Сяхоу Хуаня и его спутников. Заикаясь, он пробормотал:

— Докладываю… левый заместитель генерала… генерал… они все на тренировочной площадке… несут наказание…

— Наказание? — в один голос удивленно переспросили Сяхоу Хуань и Ли Юнти.

— Да. В сражении три дня назад мы потеряли почти десять тысяч воинов. К счастью, генерал подоспел вовремя и уменьшил потери, но он заявил, что это поражение — следствие его плохого руководства, поэтому вместе с правым заместителем генерала и остальными добровольно отправился под палки.

— И как сейчас генерал? — поспешно спросил Ли Юнти. Этот же вопрос терзал и Сяхоу Хуаня.

Солдат в замешательстве посмотрел на Ли Юнти и тихо ответил:

— Совсем плох… Генерал принял сто ударов палками, взяв на себя еще по пятьдесят ударов за раненых правого заместителя генерала и начальника авангарда. С того дня он только мажет раны лекарством и сразу возвращается на площадку стоять на коленях. К тому же он приказал три дня ничего не есть, только пить воду!

— Безумие! Это же полное безумие! — не успел солдат закончить, как Сяхоу Хуань, не сдержавшись, взревел. Что сейчас за время? А И Юньши так калечит свое собственное тело!

— Веди меня на тренировочную площадку! — Сяхоу Хуань непроизвольно сжал кулаки, обращаясь к Ли Юнти.

— Слушаюсь! — Ли Юнти поспешно зашагал вперед, указывая путь. Он и сам сильно переживал за состояние И Юньши.

На тренировочном помосте И Юньши стоял на коленях в самом первом ряду. Остальные воины за его спиной, изможденные, из последних сил пытались держать спины прямо.

Когда Сяхоу Хуань прибыл, он увидел именно эту картину. Надо признать, И Юньши был настоящим дураком. Его лицо было бледным — настолько бледным, что Сяхоу Хуань вдруг забыл, что приехал сюда, чтобы убить его.

— Генерал И! — Сяхоу Хуань выждал, пока успокоится его собственное сердце, и лишь затем подошел к помосту.

Голос Сяхоу Хуаня был таким знакомым и приятным — И Юньши всегда так считал. Но ведь слуховые галлюцинации случались с ним не впервые. Он постоянно думал о нем, особенно в такой ситуации, очень сильно скучал. Даже будучи мужчиной, он хотел, чтобы кто-то был рядом.

— Дерзость! И Юньши! Ты что, не слышишь, как к тебе обращается принц? — Сяхоу Хуань увидел, что тот по-прежнему опустил голову и горько усмехнулся, что показалось ему проявлением пренебрежения. Как обидно, ведь он только что почувствовал к нему жалость.

— Это… правда ты?

Сяхоу Хуань прокричал это с такой силой, что И Юньши, не в силах поверить в реальность происходящего, поднял голову. Увидев привычное хмурое, напряженное красивое лицо, он понял, что тот действительно здесь, взаправду.

И Юньши взглянул на него, улыбнулся и потерял сознание.

— И Юньши!

— Генерал!

— Господин!

Разные люди выкрикивали разные слова, но за ними стояло одно общее чувство — глубокая забота.

После того как И Юньши лишился чувств, Сяхоу Хуань приказал отнести его в свой шатер. По правде говоря, он мог бы не вмешиваться. В конце концов, этот мерзавец дважды овладел им и оба раза сбежал — поделом ему, пусть помучается.

Но когда военный лекарь действительно приподнял одежду И Юньши и обнажил ужасающую спину, сердце принца пронзила острая боль. Она была не такой уж явной, но тонкой иглой впивалась в самое сердце, снова и снова.

Сердце болело не только у Сяхоу Хуаня. И Сяннин и остальные, кто из последних сил пытался услышать заключение лекаря, вмиг покраснели глазами, а их голоса дрогнули от рыданий.

Все эти три дня раны на спине И Юньши толком не обрабатывали. И Сяннин, Ли Байшунь и Чжао Ичэнь пытались настоять, но все было напрасно — стоило генералу взглянуть на них и обронить лишь слово, как они замолкали.

Слушая вздохи лекаря, Сяхоу Хуань, чье лицо оставалось холодным и суровым, не мог скрыть своего беспокойства, а раздражение только росло:

— Что ты вздыхаешь? Говори быстрее, что с ним?

Лекарь вздрогнул, напуганный холодным и властным голосом Сяхоу Хуаня. Он поспешно опустился на колени, низко склонив голову, и его тело мелко задрожало:

— Докладываю Вашему Высочеству… Тело генерала слишком сильно повреждено. Из-за того, что раны не были должным образом обработаны, часть плоти на спине начала гнить. Необходимо срезать омертвевшие ткани и наложить лекарство.

Сяхоу Хуань нахмурил свои изящные брови, не отрывая взгляда от кровавого месива на спине И Юньши. В глубине души он тяжело вздохнул, но на лице сохранил прежнюю строгость:

— Режь.

— Но… — лекарь продолжал смотреть в пол, словно не решаясь что-то сказать.

— Говори! — Сяхоу Хуань больше всего ненавидел, когда люди мямлили в его присутствии.

— Да… да… Старый слуга хотел сказать: если срезать омертвевшую плоть, генералу потребуется длительный покой, он никак не сможет выйти на поле боя. Но, учитывая нынешний кризис, поэтому…

Сяхоу Хуань бросил косой взгляд на лекаря, явно недовольный его нерешительностью, подошел к стулу, сел и приказал:

— Сказано резать — значит, режь. Неужели, если ты не срежешь, он сможет сражаться? Если враг нападет, я сам выйду на бой!

— Слушаюсь! Старый слуга немедленно приступит к лечению генерала! — получив разрешение Сяхоу Хуаня, лекарь наконец мог действовать.

Ли Байшунь с самого начала наблюдал за Сяхоу Хуанем. Видя его высокомерное выражение лица, он понял, что эти слова были лишь бахвальством. Кто поверит, что принц, выросший в роскоши дворца, действительно способен вести войска в бой? Неужели он считает войну детской забавой?

— Все вон! — Сяхоу Хуань окинул взглядом израненных военачальников с лицами бледными, как бумага. Ему хотелось дать И Юньши пощечину, чтобы тот очнулся и увидел, во что превратил свою армию.

— Слушаемся! — пятеро воинов ответили одновременно, но их глаза по-прежнему не отрывались от И Юньши.

Сяхоу Хуань, заметив, что они не собираются уходить, почувствовал раздражение: неужели его, второго принца, ни во что не ставят в этом лагере? Он снова нахмурился, размышляя о заботливых взглядах, которые те бросали на генерала, и повторил:

— Убирайтесь! Кому нужен отдых — отдыхайте, кому тренировать войска — тренируйтесь. Или мне вас самих учить?

На этот раз Сяхоу Хуань был по-настоящему в ярости. Поскольку он был вторым принцем, а И Юньши пребывал без сознания, его слово было законом. Всем пришлось, хоть и нехотя, покинуть шатер.

Когда они ушли, Сяхоу Хуань вместе с Цяньянем и Минфан решил прогуляться. Он физически не мог смотреть, как лекарь срезает кусок за куском плоть с тела И Юньши — было ощущение, будто режут его собственное сердце.

— Ваше Высочество… не хотите ли отдохнуть… — Цяньянь отчасти понимал, почему у принца плохое настроение. Люди меняются, когда в их сердце проникают чувства. Как у него самого с Минфан: пусть она пока не понимает его мыслей, но главное, что она рядом, в безопасности.

— Не нужно. Уходите все, я хочу побыть один! — тон Сяхоу Хуаня стал менее строгим, словно он сбросил маску.

— Минфан… хочет посмотреть на господина… — Минфан была самой чувствительной: как только она увидела раны на спине И Юньши, она начала плакать и не могла остановиться. Удивительно, что Сяхоу Хуань ее не прогнал — обычно он терпеть не мог, когда мужчины или женщины хнычут.

— Ступайте. Помните, для военного человека эти раны — сущая мелочь, — махнул рукой

принц.

— Минфан, пойдем… Генерал завтра очнется, тогда и посмотришь. Сейчас ему нужно отдохнуть, а Ваше Высочество хочет побыть один, пошли! — Цяньянь, не раздумывая, потянул ее за собой.

Сяхоу Хуань стоял к ним спиной, не оборачиваясь. В голове крутилось кровавое месиво на спине И Юньши. Он знал, что эти раны не убьют его, но настроение все равно было на нуле.

И Юньши… определенно, он был его личным проклятием, преследовал его везде и всюду!

Когда он поправится, пусть только попробует — он проучит этого гуляку, и тот уже не сможет оправдаться за свои поступки.

На самом деле, думая так, Сяхоу Хуань в глубине души лишь ждал, когда же И Юньши поскорее очнется.

Ночью Сяхоу Хуань лежал на кушетке, но так и не смог заснуть. В конце концов, не выдержав внутреннего беспокойства, он встал, накинул халат и вышел наружу.

Честно говоря, оказавшись на улице, он пожалел о своем решении. Ночные виды на границе были красивы, но климат здесь был куда холоднее столичного. В одном легком халате среди пустой стоянки лагеря он мгновенно задрожал от холода.

Раз уж вышел, возвращаться не хотелось — все равно не уснет. Он решил прогуляться, и вскоре его непослушные ноги сами принесли его к шатру И Юньши.

Сяхоу Хуань стоял снаружи долго-долго. Он спрашивал себя: войти или нет? Весь вечер он думал: очнулся ли он? Хочет ли пить? Возможно…

Поколебавшись еще немного, он решительно сделал шаг. Легкий ветерок шевельнул его халат, и вместе с черными волосами, развевавшимися в ночной тишине, это создавало удивительно прекрасную картину.

Сяхоу Хуань с рождения был наделен великолепной внешностью. В отличие от И Юньши с его легким и непринужденным нравом, к которому тянулись люди, принц с детства носил на лице выражение, говорящее «чужакам не подходить, знакомым — бояться». Он не был уродлив, скорее, был слишком красив, а в сочетании с врожденным величием и холодной суровостью это делало его почти пугающим.

Одного его взгляда было достаточно, чтобы вселить в человека трепет. Сяхоу Хуань был подобен тысячелетнему яду без противоядия: те, кто не был уверен, что выживет, не смели приближаться к нему. Но И Юньши по воле судьбы наткнулся на этот яд и, что самое странное,

пристрастился к нему. А самое главное — в его руках, похоже, было и противоядие.

Войдя в шатер, он увидел, что И Юньши все еще спит, но, подойдя ближе, услышал невнятный шепот. Голос был таким тихим, что его можно было разобрать, лишь прильнув к самым губам.

Любопытство Сяхоу Хуаня не стоило недооценивать — если его что-то интересовало, он докапывался до сути. Ему было безумно интересно, что же бредит И Юньши в столь тяжелом состоянии.

Он осторожно присел рядом, наклонился и прижал ухо к губам И Юньши, затаив дыхание.

— Ты мой… мой…

Сяхоу Хуань выпрямился, озадаченный. Что «мой»? Он снова прислушался и, не выдержав, опять прильнул к его губам.

В то самое мгновение, лишь на краткий миг, он не заметил, как уголки губ И Юньши слегка приподнялись — это означало не только радость, но и победу.

— Женушка… Хуань… ты мой… мой…

Слова затихли. Сяхоу Хуань резко вскочил, ошеломленно глядя на него, словно на привидение. Его сердце колотилось: неужели он правда влюбился в него? Неужели это не была просто игра?

Нет! И Юньши — такой человек, у которого никогда не разберешь, где правда, а где ложь, лучше ему не верить. К тому же в государстве Сяхоу однополые связи были редкостью, а он — будущий государь, как он может принять своего подчиненного? С этими мыслями он поспешно поднялся, собираясь уйти.

Но в этот момент стоны И Юньши усилились, он начал бормотать: «воды»… «воды».

Сяхоу Хуань, услышав его мучения, в конце концов не выдержал. Он подошел к столику, налил воды, вернулся к постели и осторожно приподнял его. Но он боялся причинить боль — раны на спине были действительно страшными.

И Юньши должен был лежать на животе, и принц не знал, как лучше поступить: оставить его лежать или прислонить к себе. Все казалось неудобным.

Наконец, Сяхоу Хуань придумал решение, хотя оно и казалось ему неподобающим. Оглядевшись по сторонам, как вор, он убедился, что никого нет, а И Юньши всё еще без сознания.

Далее… Сяхоу Хуань посадил И Юньши напротив себя, одной рукой придерживая его, а другой поднеся чашку с водой к губам. Он отпил глоток…

А затем припал своими губами к губам И Юньши, передавая воду. Тот, не теряя времени, начал жадно пить, одновременно атакуя мягкие губы Сяхоу Хуаня.

Когда Сяхоу Хуань опомнился, язык И Юньши уже давно исследовал его рот. Это знакомое и в то же время чуждое ощущение словно разъедало его сердце.

Принц был в смятении, но решил, что И Юньши просто принял его язык за воду, поэтому не стал придавать этому значения и быстро отстранился.

Уложив И Юньши обратно, он поправил одеяло и какое-то время молча смотрел на его идеальный профиль, чувствуя непривычное спокойствие.

Сидя так, он не заметил, как пролетело время. Лишь осознав, что он творит, Сяхоу Хуань ужаснулся: «Я что, с ума сошел? Так долго смотреть на того, кого ненавижу?» — после чего поспешно удалился.

Стоило его фигуре скрыться, как И Юньши довольно открыл глаза. Почему довольно? Да потому что даже слепой увидел бы, что он улыбается — сладко и невероятно хитро.

— Хе-хе… Ой… — И Юньши от избытка счастья забыл о ранах и попытался перевернуться, но тут же скривился от боли, прижав спину к постели. Даже несмотря на это, на его искаженном болью лице сияла счастливая улыбка.

Ранним утром Сяхоу Хуань приказал собрать солдат. Как имперский посланник, он хотел лично проверить, так ли непобедима армия под началом И Юньши, как об этом слагают легенды.

Честно говоря, он не верил. В том сражении несколько дней назад враг легко вывел из строя около десяти тысяч человек. Если они такие сильные, зачем такие потери?

— Разве вы не сильнейшая армия? Встаньте парами и сразитесь друг с другом. Покажите мне, так ли хороша эта ваша «армия-победительница»!

Сяхоу Хуань, облаченный в чистый, изящный халат глубокого синего цвета, стоял на тренировочном помосте. Его бездонные глаза холодно смотрели на солдат внизу. Его голос звучал ледяным звоном, лицо — воплощение высокомерия. К тому же, едва поднявшись на помост, он позволил себе пренебрежительные слова, которые вызвали у командиров внизу лишь раздражение.

Все знали, что Сяхоу Хуань — любимый принц императора, знали, что он благороден, чист и привык смотреть на всех свысока. А они — лишь дети бедняков, всю жизнь сражавшиеся за

кусок хлеба. В каком бы аспекте их ни сравнивали, это были две противоположности, которые никогда не сойдутся.

— Сражаться! — Сяхоу Хуань видел, что солдаты внизу стоят не шелохнувшись, и его лицо стало холоднее зимнего инея.

— Ваше Высочество, сейчас время войны. Воинам нужно отдыхать, а не получать травмы из-за пустяков! — подал голос помощник генерала Ли Байшунь. Он действительно терпеть не мог этого принца, который появился неизвестно откуда. Это военный лагерь, а не столица, чтобы тут развлекаться.

Сяхоу Хуань помрачнел, перевел взгляд на Ли Байшуня и рявкнул:

— Ли Байшунь! Помощник генерала, ты что, мои слова мимо ушей пропускаешь? Я приказал вам драться! Слышите?

— Прошу прощения, Ваше Высочество, не могу исполнить! — Ли Байшунь и так не признавал его. Подумаешь, принц! Сам он — человек грубый, и подчиняется только генералу. Кроме генерала, он и на слова самого Небесного Императора не оглянется.

— Помощник Ли… — стоявший рядом Ли Юнти попытался напомнить ему о субординации, ведь перед ними будущий правитель.

— Заткнись! — рявкнул Ли Байшунь, бросив на него презрительный взгляд.

Ли Юнти привык к упрямству Ли Байшуня. Хотя его ранг был выше, этот человек никогда его не боялся. Но он и подумать не мог, что тот осмелится открыто пренебречь самим вторым принцем.

http://bllate.org/book/21937/2279110